

СМЫСЛ ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ СМЫСЛА: ПРАГМАСЕМАНТИКА СООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Г.Л. Тульчинский

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград; Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, профессор, Санкт-Петербург, email: gtul@mail.ru

Тульчинский Г.Л. 2023. Смысл власти и власть смысла: прагмасемантика соотношения политической власти и смыслообразования. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 180-188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12>. EDN: PSTZKQ

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 22-18-00591) “Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования” в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2023. Принята к публикации: 17.05.2023

Аннотация. Возникновение и удержание политической власти предполагают формирование некой смысловой картины мира, которая объясняет и оправдывает порядки, реализуемые этой властью. Доминирование такой смысловой картины мира является базой для легитимности власти, консолидации социума, общности идентичности. Смысловая картина мира многослойна и подвижна, в ее формировании принимают участие не только политический класс, но и гуманитарные науки, система образования, личный опыт. Прагмасемантический подход позволяет представить этот процесс как каскад интерфейсов (контекстов) смыслообразования, каждый из которых операционализируется как ценностно-регулятивная система (ЦРС). С этой точки зрения политическая власть предстает ЦРС, которая для обоснования влияния на упорядочение других претендует на доминирующую смысловую картину мира. Концептуальный анализ опирается на содержание, представленное в пятитомнике В.П. Макаренко, проделавшего обстоятельную работу по систематизации идей и концепций политической науки в ее современном состоянии, выявившую парадоксальность и противоречивость ее теоретических построений. Аналитика приводит к выводу, что понимание концепта власти на уровне общих понятий ведет к парадоксальному аналогу теодицеи или множества всех множеств в основаниях математики. Без власти индивиды не могут образовать общность, необходимую для достижения блага каждого из них, но при этом любая власть есть ограничение, подавление субъектности. Поэтому, так же как в теодицее или в основаниях математики, конкретные содержательные характеристики применимы не к власти вообще, а к конкретным ее проявлениям. Для развития социума важна конструктивная вариативность осмысления действительности и форматы организации власти, способные порождать и поддерживать такую вариативность. Тем самым и в политической теории необходим переход от оперирования общими абстракциями к конструктивному пониманию процессуальности и операциональности политики применительно к конкретным социумам с учетом их актуальных проблем и исторического опыта. Данная тематика приобретает нетривиальное значение в наши дни, когда радикально меняются форматы ЦРС в управлении, бизнесе, науке, образовании, искусстве, личной жизни. Современные информационно-коммуникативные технологии в цифровом формате обеспечивают широкий доступ к источникам и каналам информации, открывая возможности непосредственной презентации и трансляции мнений, оценочных переживаний, эмоционально окрашенных образов. При этом государство получает исключительные возможности контроля за содержанием этих информационных потоков, их пользователями. Социальная ответственность, ее

содержание, институты ее реализации приобретают новое качество, предъявляя новые вызовы и запросы к морали и праву, каждой личности.

Ключевые слова: власть, идеология, политика, прагмасемантика, символическая политика, смысл, смысловая картина мира

ВВЕДЕНИЕ

Идея соотношения власти и смысла вызревала давно. Поводом и материалом для подготовки данного текста стали три события. В ходе круглого стола “Политика смысла или смысл политики” (30.10.2022, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург) была акцентирована фундаментальная роль соотношения власти и смыслообразования для политической теории и практики¹. Систематические исследования, представленные в пяти выпусках сборника “Символическая политика” (ИНИОН РАН, 2012–2017), также показали, что определенные способы интерпретации социальной реальности и борьба за их доминирование – не линейный процесс попыток индоктринации, а многовекторное формирование смысловой картины мира, в контексте которой обеспечивается решение проблемы легитимности власти.

Вторым импульсом стал семинар “Русская мысль и политика” (Центр политической концептологии Южного федерального университета, 16.09.2022), посвященный соотношению власти и господства, на котором были принципиально разведены полюса трактовки понимания власти: как господства и как деятельности по консолидации социума в целях общего блага. Нередко эти две точки зрения (восходящие к К. Шмитту и Х. Арендт соответственно) абсолютизируются до взаимоисключения “власти над” и “власти для”. Если последняя может предполагать общее благо, то первая оказывается благом для самой власти, ее носителей, но не для подвластных, что порождает “сущностную спорность” политической власти [Lukes 2021; Ледяев 2001]. Думается, эти две крайние трактовки, как это обычно бывает с крайностями, дополняют друг друга, акцентируя внимание на разных стадиях: формирования новой власти и ее реализации в более-менее стабильном состоянии социума. Но в любом случае как трактовка, так и соответствующая практика предполагают их обоснование и соответствующую смыслообразующую интерпретацию.

И, наконец, решающим фактором написания статьи стала публикация пятитомного корпуса текстов В.П. Макаренко [Макаренко 2021]. В *opus magnum* отечественного политического философа, организатора Центра политической концептологии ЮФУ, вошел круг его работ с обстоятельным рассмотрением подходов к объяснению концепта и феномена власти, преимущественно государства. Объем статьи не позволяет сделать полноценный обзор этой публикации, но она дает весьма содержательный и важный материал для решения сформулированной выше задачи выявления соотношения власти и смыслообразования.

Дополнительные возможности такого рассмотрения дает прагмасемантический подход [Zolyan 2021: 247–248; Тульчинский 2022], позволяющий конкретизировать контексты смыслообразования в каскаде интерфейсов ценностно-регулятивных систем социально-культурных практик.

ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ И СМЫСЛ

Политика обычно определяется как деятельность, совокупность средств и методов по урегулированию внешних и внутренних отношений между государствами, нациями, народами, элементами политической системы.

¹ См. об этом специальный выпуск журнала “Публичная политика” № 1 за 2022 г.

А поскольку способность навязывать свою волю другим на протяжении всей истории политической мысли является классической характеристикой власти [Гоббс 1991: 116-127; Weber 1968: 53; Lukes 2021: 26; Даль 2003], постольку концепция и практика власти оказываются сущностным содержанием политики, выражающимся во влиянии группы лиц на других людей, принимающих это влияние вынужденно или добровольно.

Формы власти историчны, но она сама — универсальный феномен, который коренится в природе человека как общественного существа. При этом власть выступает ограничением или даже блокировкой, “усмирением” личностной субъектности. В неоинституционалистской терминологии это означает “ограничение доступа к ресурсам” [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011], а различение ресурсов позволяет говорить о разных типах власти и строить типологии власти — в зависимости от комбинации таких ограничений и нормативностей. Согласно М. Веберу — в зависимости от ключевой роли традиций, харизматичности лидера и развитой правовой системы [Вебер 2021]. Согласно А. Кожеву, конкретная комбинация четырех типов доминирования (происхождения власти, господства победителя, мудрой идеи, торжества справедливости) позволяет типологические комбинаторики чистых и смешанных типов власти [Кожев 2006]. Еще большая степень конкретизации была предложена Л. Болтански и Л. Тевено — в зависимости режима политической власти от этоса доминирующих социальных групп [Болтански, Тевено 2013]. Не углубляясь в детали таких типологий, можно констатировать, что все они выстраивают определенную доминирующую систему ориентиров, которой руководствуются члены данного социума — как в своих действиях, так и в стоящих за ними стремлениях, надеждах, представлениях о мире, обществе, себе самом. Такая система ориентиров обычно связывается с идеологией, задающей смысловую картину социальной жизни, включая место и роль власти в этом социуме.

Смыслообразование задается прагмасемантическими интерфейсами социально-культурных практик, включая политику, конкретизацией которых являются ценностно-регулятивные системы (ЦРС), задаваемые ценностно-целевыми, нормативными параметрами, а также способами организации деятельности по достижению целей по соответствующим правилам (нормам) [Тульчинский 2022]. Действие ЦРС предполагает коммуникацию, интенсивность и регулярность которой способна поэтапно приводить к институционализации идей вплоть до организационных структур, включая бюрократические. В этом каскаде интерфейсов власть выполняет роль ЦРС, выстраивающей порядка, интегрирующие социум. Неспроста ключевые ценности политической власти — безопасность, справедливость и свобода — являются базовыми ценностями социогенеза, на осях которых строятся профили политических идеологий и культур [Публичные ценности... 2014: 35-51].

Смысл и политика — глубоко и прочно связанные проявления социального и личного плана жизни. Политика (и как *policy*, и как *politics*) не только сама выступает осмыслением действительности, но и играет важнейшую роль в осмыслении действительности практически во всех сферах социальной жизни в целях консолидации социума, что составляет содержание символической политики.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СМЫСЛОВАЯ КАРТИНА МИРА

В отличие от животного поведение человека определяется не только генетически, но и на основе осмысления прошлого и настоящего, чаяний, надежд, образов будущего. Эти представления обобщаются в нарративах, образах, символах, мифах, что делает возможным понимание и взаимопони-

мание, абстрагирование, категоризацию, построение сложных рассуждений и планирование действий, а также предопределяет чувственные восприятия и ощущения [Lakoff 2009; Edelman 2013]. Именно рациональная и главное — эмоциональная сопричастность политическим решениям, их поддержка консолидируют социум, формируют политическую идентичность.

Более того — саму политику можно и следует изучать как “символическую форму” [Edelman 1985: 2], когда власть, согласно П. Бурдьё, — это “власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира”, “...производить и навязывать категории мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству” [Бурдьё 2007: 95, 220]. Поэтому выстраивание смысловой картины мира предстает когнитивным рефреймингом [Lakoff 2009], социально-политической инженерией конструирования реальности [Бергер, Лукман 1995].

Любые (если не все!) феномены социальной реальности — тексты, изображения, личности, природные катаклизмы, специальные события, экономика, *etc.* [Нье 2008; Герасимов 2022] — могут выступать инструментами символической политики при двух условиях. Во-первых, когда они становятся предметом интерпретации в публичном коммуникативном пространстве. Вне публичного пространства они могут быть предметом тайных манипуляций, кулуарных действий, которые, впрочем, в случае огласки тоже становятся инструментом символической политики. Во-вторых, в этих интерпретациях они связываются с современным контекстом (проблемами, целями). Это относится и к прошлому, образам будущего, которые вне контекста настоящего представляют исследованиями, прогнозами, но и в этом качестве они связаны с актуальным контекстом.

Смысловое содержание символической политики задает как систему социальной мифологии, позволяющей ориентироваться в социальной реальности, обеспечивая не только узнавание (этикетирование), так и понимание, объяснение происходящего. Важно и то, что концепты и технологии символической политики также дают новые инструменты анализа социальной реальности в конфликтологии, прикладной политологии, социологии и социальной психологии. Эти исследования (модели, аналитики, опросы, статистические данные, их обработка и т.д.) сами, в свою очередь, становятся компонентами символической политики, потому что предлагают определенные интерпретации, объяснения социальной реальности.

Символическая политика и формирование смысловой картины мира не сводятся к государственной манипулятивной “игре в одни ворота”. Как показали исследования на материале исторической памяти [Тульчинский 2016, 2018], смысловая картина мира, во-первых, динамична, а во-вторых, реализуется как минимум на трех уровнях со свойственным им лагом динамики и ключевыми акторами. Наиболее подвижен (лаг до трех-пяти лет) уровень, формируемый политиками, медиа, сферой искусств, культурными индустриями. И эта динамика понятна и оправданна — внешние и внутренние обстоятельства достаточно изменчивы, требуют довольно оперативно реакции и осмысления. Менее подвижен уровень, на котором ведущую роль играют гуманитарные и социальные науки, образование. Здесь лаг составляет 10-15 лет — ученые проводят исследования, представляют их в научных докладах и публикациях. Образовательные программы и учебники также имеют определенную необходимую инерционность. Наиболее устойчив (лаг 25-30 лет, фактически — два поколения) уровень культурной идентичности, на котором ключевую роль играют семейное воспитание, коммуникации в ближнем окружении личности. Для консолидации социума очень важно, чтобы, несмотря на разные скорости

изменения, содержание уровней смысловой картины не вступало в противоречие — иначе образуется расколотый социум, когда элиты транслируют смысловую картину мира, отличную от культурной идентичности (примерами до последнего времени служили Алжир, Мексика, Турция и отчасти Россия).

Доминирующая смысловая картина мира играет принципиально важную роль в конфликтах исторической памяти, информационных (смысловых) войнах как критерий “правильной интерпретации” в квалификации фейков [Фейки... 2021]. Особый интерес представляет роль смысловой картины мира в приходе к власти меньшинства [Даль 2003; Taleb 2016].

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ОБЪЯСНЕНИЯ/ОПРАВДАНИЯ ВЛАСТИ

В.П. Макаренко, перебрав практически все используемые в наше время политические концепции и идеологии, показывает, что содержание каждой из них не самоценно для самой власти. Главное — объяснение и оправдание, обеспечение принятия власти, ее легитимности. И для достижения этой цели может использоваться любая идеология, ее модификации, трансформации. Автор прослеживает это на подробном рассмотрении трансформации марксизма в ходе борьбы за власть и ее удержания в предвоенный и послевоенный периоды. Большевики не ограничивали себя теоретическими и идеологическими рамками, легко отказываясь от одних идей и адаптируя другие [Макаренко 2021: т. 2]. Этот кейс нагляден своей динамикой, но аналогичная пластичность свойственна практически любому политическому режиму.

В этой связи В.П. Макаренко — аналитик очень последовательный — неожиданно, но вполне закономерно приходит к проблеме политической теодицеи: как оправдать Всеблагую, Всезнающую, Всемогущую и Всесильную сущность в допущении ею зла [Макаренко 2021: т. 5, 93-128]. Такой ход мысли дает модельный кейс по отношению к объяснению и оправданию власти, ее смысла. Действительно, если Господь обладает полным влиянием на происходящее, включая дела человеческие, то он может рассматриваться как воплощение полной, абсолютной власти. И как тогда понять и оправдать несовершенства и зло, творимое в подвластном ему мире? Тем самым в идее абсолютной власти или власти как таковой несущая общее благо “власть для” и благо для самой себя “власть для” оказываются тождественны и в этом тождестве противоречивы.

Политическая наука в анализе власти оказывается в ситуации сродни кризису оснований математики, связанных с идеей множества всех множеств: может ли такое множество включать само себя? Популярной версией этой ситуации является парадокс о брадобрее, который должен брить всех мужчин селения, которые не бреются сами, и должен ли он брить самого себя — если да, то не должен, а если нет, то должен. Так и власть — ключевая характеристика и фактор образования социума, задания его упорядоченности. Без власти индивиды не могут образовать общность, необходимую для достижения блага каждого из них (выжить, продолжить род, самореализоваться), но при этом любая власть есть ограничение, подавление субъектности, порождающее разрастающуюся бюрократию — “организм-паразит” (К. Маркс).

К. Гёдель в своей теореме объяснил противоречивость любой содержательной теории, что открыло в основаниях математики дорогу конструктивизму, сводящему теоретические концепты к алгоритмам построения соответствующих объектов. В конечном счете именно такой подход воплотился в алгоритмизации, программируемости, цифровых технологиях, определяющих современную цивилизацию. Думается, что и осмысление власти, наделение ее конкретными характеристиками, выражающими представления о добре и зле, — дело не пре-

дельных абстракций, а конкретных людей в конкретных ситуациях. Похоже, именно в этом ключ разрешения парадоксальности власти, ее “сущностного противоречия”. Рассмотрев возникающие в теодицее власти парадоксы и признавая, что к Господу неприменимы этические, моральные и прочие характеристики оценки власти, В.П. Макаренко приходит к аналогу теоремы Гёделя в политической науке. Политическая жизнь и политическая теория оперируют достаточно содержательными языками и, пытаясь описать себя, неизбежно оказываются противоречивыми. Наделение абсолютной власти как таковой смысловыми морально-этическими характеристиками суть претензии на знание мотивации Господа, этакое “человекобожие”. Но человеку, существу конечному, не дана бесконечная полнота божественного знания сущего. Человек всегда постигает мир с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то смысле. Смысл — сугубо человеческое измерение бытия — не больше, но и не меньше. А упования наши на Господа и его волю, как отмечал И. Кант, должны быть настолько полными, что не должны его примешивать к нашим делам. Поэтому оценки власти, отношение к власти — дело именно и сугубо человеческое.

Кстати, такой конструктивистский подход уже проявляется в социальных науках, включая экономику и политологию. Главный интерес представляет не просто необходимость социальных институтов, а проблема их возникновения и развития, если не выращивания [Асемоглу, Робинсон 2015; Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. И в любом случае как естественной эволюции, так и сознательного реформирования одной из задач становится трансформация смысловой картины мира. Решать эту задачу можно двояким путем. Прежде всего, это сменяемость самой власти, когда другие партии, социальные силы предлагают новые ориентиры и решения. Собственно, именно этому и служит процедура выборов. Если в силу каких-то причин эта процедура не работает, то сама власть прибегает в смене курса, опираясь на новые идеи и новых акторов. Каждый путь неоднозначен. В первом случае имеется опасность прихода к власти носителей популистской идеологии, способной привести общество к деградации, включая гипертрофию бесполезной бюрократии. Во втором случае разрастание все той же бюрократии может тормозить принятие необходимых решений и привести общество к революционной ситуации и серьезному катаклизму. Но в обоих случаях сущностной проблемой является синхронизация динамики политического режима и смысловой картины мира.

Особую роль играет история становления и формирования власти, причем не просто некая сложившаяся культура, предопределяющая все последующее развитие общества в духе концепции *culture matters* [Культура имеет значение... 2002], а именно траектория, этапы становления конкретного социума (*history matters*), которые его культуру формируют и иногда меняют [Травин 2021]. Это уже не отнесение к некоей категории (множеству), не этикетирование, а конкретное шаг за шагом прослеживание становления социума, значит — и возможности его дальнейшего развития.

ERGO

При всем прагматизме власти по отношению к контенту оправдывающей ее конкретной смысловой картины мира, для легитимности формирования и удержания власти необходима именно содержательная характеристика доминирующего смыслообразования. И тогда понятно, почему для любой власти (в рамках как государства, так и религии, научной школы, бизнеса) важна не столько борьба с врагами, сколько с инакомыслием, борьба за чистоту рядов, являющаяся борьбой за само существование этой власти. Враги (реальные

или выдуманные) — только часть доминирующей смысловой картины мира, всякое сомнение в которой, иные осмысления предстают для существующей власти как “семиотическое вредительство” [Архипова*², Михайлик 2017].

Реализуемый в последней книге пятитомника В.П. Макаренко пафос критики “нормализации мысли” в современной культурологии и политологии, преодоления концептуального разнообразия выглядит обоснованным. Многообразные практики “отмен” — суть проявления тренда “гиперсемиотизации”, оборачивающейся собственной противоположностью. По сути дела не столько предъявляя новые вызовы и запросы к морали и праву, сколько подавляя субъектность, которая была и остается универсальным интерфейсом смыслообразования — прокреации и преадаптивности, обеспечивающих динамику развития цивилизации [Человек как открытая целостность 2022].

Современная цифровизированная цивилизационная среда оказывается для власти большим искушением. Всеохватная секьюритизация, обеспечение безопасности не только военной, но и информационной, экологической, биологической, демографической, экономической, финансовой, пищевой, образовательной и т.д., контроль, буквально технологически воплощающий рассуждения Ж.-П. Сартра, а потом М. Фуко о человеческом бытии как “бытии под взглядом” в духе классической дистопии Е. Замятина. В таком обществе снимается вопрос о динамике смысловой картины мира, образа будущего — дело сводится к технологическому воспроизводству сложившегося порядка, реализации “человекобожеской” смысловой монополии. И это уже вопрос об основаниях не только политической теории или даже социально-гуманитарных наук, но и человеческой цивилизации в целом, для которой динамика смысловой картины мира нетривиально существенна (так было до сих пор).

В нынешнем интенсивном общецивилизационном процессе столкновения смысловых картин мира, латуровской пересборки социально-культурных практик такая синхронизация требует политического инжиниринга, основанного не на абстрактных представлениях и моделях, а на конкретном учете элементной базы каждого социума: от культурно-исторического опыта и реальных проблем до общности интересов социальных сил и акторов, выражения их политической воли.

DOI: 10.17976/jpps/2023.06.12

THE MEANING OF POWER AND THE POWER OF MEANING: PRAGMASEMANTICS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN POLITICAL POWER AND MEANING MAKING

G.L. Tulchinskii^{1, 2}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, Russia

² HSE University. St. Petersburg, Russia

TULCHINSKII, Grigori Lvovich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Merited Scientist of the Russian Federation, Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University; Professor, HSE University. E-mail: gtul@mail.ru

Tulchinskii, G.L. (2023) The meaning of power and the power of meaning: pragmasemantics of the relationship between political power and meaning making. *Polis. Political Studies*, 6, 180-188. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12>

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00591 “Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning formation”.

Received: 25.02.2023. Accepted: 17.05.2023

² * означает физического лица, признанное выполняющим функции иностранного агента.

Abstract. The emergence and retention of political power presupposes the formation of a certain semantic picture of the world, which explains and justifies the orders implemented by this power. The dominance of such a semantic picture of the world is the basis for the legitimacy of power, the consolidation of society, and a common identity. The semantic worldview is multi-layered and dynamic; not only the political class, but also the humanities, the education system, and personal experience take part in its formation. This process can be represented by the pragmasemantic approach as a cascade of interfaces (contexts) of meaning formation, each of which is operationalized as a value-regulatory system (VRS). From this point of view, political power appears as the main VRS, which, in order to justify its influence on the ordering of others, claims to have the dominant semantic picture of world. The proposed conceptual analysis is based on the content presented in the five-volume collection of V.P. Makarenko, who did a thorough job of systematizing the ideas and concepts of political science in its current state, revealing the paradox and inconsistency of the theoretical constructions of political science. Analytics reveal that understanding the concept of political power at the level of general concepts leads to a paradoxical analogue of theodicy or the set of all sets in the foundations of mathematics. Without power, individuals cannot form a community necessary to achieve the good of each of them, but at the same time, any power is a restriction, suppression of subjectivity. Therefore, just as in theodicy or in the foundations of mathematics, specific meaningful characteristics are applicable not to power in general, but to its specific manifestations. The development of society requires the constructive variability of the reality comprehension and power organization formats, that are capable of generating and maintaining such a variability. Thus, political theory also needs a transition from operating with general abstractions to a constructive understanding of the procedural and operational nature of politics in relation to specific societies, taking into account their current problems and historical experience. This topic acquires a non-trivial significance these days, when the formats of VRS in management, business, science, education, art, and personal life are radically changing.

Keywords: power, ideology, politics, pragmasemantics, symbolic politics, meaning, semantic worldview.

References

- Edelman, M. (2013). *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence*. Chicago: Academic Press.
- Edelman, M. (1985). *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois Press.
- Lakoff, G. (2009). *The political mind: a cognitive scientist's guide to your brain and its politics*. New York: Penguin Books.
- Lukes, S. (2021). *Power: a radical view*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Nye, J.S. Jr. (2008). *The powers to lead*. New York: Oxford University Press.
- Taleb, N.N. (2018). *Skin in the game. Hidden asymmetries in daily life*. New York: Random House.
- Weber, M. (1968). *Economy and society: an outline of interpretative sociology*. New York: Bedminster Press.
- Zolyan, S. (2021). On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. In A. Haselow, & S. Hancil (Ed.), *Studies at the Grammar-Discourse Interface* (pp. 245-271). Amsterdam: J. Benjamins Publ.
- Acemoglu, D., & Robinson, J. (2015). *Economic origins of dictatorship and democracy*. (Russ.ed.: *Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii*. Moscow: HSE Publishing House).
- Arhipova, A., & Mikhajlik, E. (2017). Dangerous signs and Soviet things. *New Literary Observer*, 1, 130-153. (In Russ.)
- Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. (Russ. ed.: *Berger, P., & Luckmann, T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti*. Moscow: Academia, Medium).
- Boltanski, L., & Tevenot, L. (2013). On justification: economies of worth. (Russ. ed.: *Boltanski, L., & Tevenot, L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti*. Moscow: New Literary Observer).
- Bourdieu, P. (2007). *Sociologie de l'espace social*. (Russ. ed.: *Bourdieu, P. Sotsiologija sotsial'nogo prostranstva*. St. Petersburg, Moscow: Aletheia).
- Dahl, R. (2003). *Democracy and its critics*. (Russ. ed.: *Dahl, R. Demokratija i ejo kritiki*. Moscow: ROSSPEN).
- Gerasimov, S.V. (2022). Spetsial'nye sobytia kak trigger sotsiokul'turnyh protsessov [Special events as triggers of sociocultural processes]. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Harrison, L., & Huntington, S. (Ed.). 2002. *Culture matters. How values shape human progress*. (Russ. ed.: *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvujut obshchestvennomu progressu*. Moscow: MSPI).
- Hobbes, T. (1991). *Sochinenienia v 2 tomakh. T. 2* [Works in 2 volumes. V. 2]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Kijashchenko, L.P. (Ed.). (2022). *Chelovek kak otrutajaja tselostnost'* [Man as open integrity]. Novosibirsk: Akademizdat. (In Russ.)
- Kojève, A. (2006). *La Notion d'autorite*. (Russ. ed.: *Kojève, A. Ponjatie vlasti*. Moscow: Praxis).

Ledjaev, V.G. (2001). *Vlast': konseptual'nyj analiz* [Power: a conceptual analysis]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Makarenko, V.P. (2021). *Sobranie sochinenij v 5 tomakh* [Collected works: in 5 volumes]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press. (In Russ.)

North, D.C., Wallis, J.J., & Weingast, B.R. (2011). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. (Russ. ed.: North D.C., Wallis J.J., & Weingast B.R. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Moscow: Institut Gaydara Publ.)

Smorgunov, L.V., & Volkova, A.V. (Ed.). (2014). *Publichnye tsennosti i gosudarstvennoe upravlenie* [Public values and public administration]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Travin, V.I. (2021). *Pochemu Rossia otstala?* [Why Russia has been behind?]. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Tulchinskii, G.L. (Ed.). (2021). *Feiki: kommunikatsia, smysly, otvetstvennost'* [Fake: communication, meanings, responsibility]. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Tulchinskii, G.L. 2016. Narration in symbolic politics: levels and diachrony. In *Symbolic Policy*, 4 (pp. 65-83). Moscow: INION RAS. (In Russ.)

Tulchinskii, G.L. 2018. Historical memory, heritage and education. *Heritage*, 1, 8-15. (In Russ.)

Tulchinskii, G.L. 2022. Pragmasemantics of digital communications: semantic pictures of the world, value-regulatory systems and responsibility. In *State and citizens in the electronic environment*, 6 (pp. 9-23). St. Petersburg: ITMO. (In Russ.)

Weber, M. (2021). *Politics as a vocation*. (Russ. ed.: Weber, M. *Politika kak prizvanie i professija*. Moscow: Ripol klassik).

Литература на русском языке

Архипова* А., Михайлик Е. 2017. Опасные знаки и советские вещи. *Новое литературное обозрение*. № 1. С. 130-153. EDN: ZCMTXN.

Асемоглу Д., Робинсон Д.А. 2015. Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: ИД ВШЭ. EDN: UWDEFP.

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. М.: Academia, Медиум.

Болтански Л., Тевено Л. 2013. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. М: НЛО.

Бурдые П. 2007. Социология социального пространства. СПб., М.: Алетейя.

Вебер М. 2021. Политика как призвание и профессия. М.: Рипол классик.

Герасимов С.В. 2022. Специальные события как триггеры социокультурных процессов. СПб.: Алетейя. EDN: MVBLKY.

Гоббс Т. 1991. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль.

Даль Р. 2003. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН.

Кожев А. 2006. Понятие власти. М.: Практик.

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. 2002. Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: МШПИ.

Ледяев В. Г. 2001. Власть: концептуальный анализ. Москва: РОССПЭН.

Макаренко В.П. 2021. *Собрание сочинений: в 5 т.* Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Институт Гайдара.

Публичные ценности и государственное управление. 2014. Под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Волковой. М.: Аспект-Пресс. EDN: TIFBXN.

Травин В.Я. 2021. Почему Россия отстала? СПб.: ЕУ СПб.

Тулчинский Г.Л. 2016. Наррация в символической политике: Уровни и диахрония. *Символическая политика*. 2016. Вып. 4. М.: ИНИОН РАН. С. 65-83. EDN: XSPKUX.

Тулчинский Г.Л. 2018. Историческая память, наследие и образование. *Наследие*. № 1. С. 8-15. EDN: YNKKRF.

Тулчинский Г.Л. 2022. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностнорегулятивные системы и ответственность. *Государство и граждане в электронной среде*. Вып. 6. СПб.: ИТМО. С. 9-23.

Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. 2021. Под ред. Г.Л. Тулчинского. СПб.: Алетейя.

Человек как открытая целостность. 2022. Под ред. Л.П. Киященко. Новосибирск: Академиздат. EDN: JWOMRO.